

Маленький А. Два директора. Отрывки из двух глав «Истории Надеждинского завода» // История заводов. Вып. четвертый-пятый. 1933. С. 99–107.

Мицихин В. Трибуна читателя // Сибир. огни. 1929. № 1. С. 201–204.

Объединенный музей писателей Урала (ОМПУ). Ф. 59 (Фонд Алексея Маленького).

От редакции. Были горы Высокой // Урал. следопыт. 1935. № 4. С. 32.

Панкратова А. М. Задачи и значение движения по созданию «Истории заводов СССР» // Борьба классов. 1933. № 10. С. 75–86.

Подлубнова Ю. С. Жанровая эволюция прозы Урала 1917–1930-х гг. // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / отв. ред. ак. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2010. С. 410–434.

Постановление главной редакции «Истории заводов» // История заводов. Вып. первый. 1932. С. 5–7.

Смирнова А. Л. Архивная история «Истории фабрик и заводов» // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. Чебоксары, 2016. С. 338–348.

Третьяков С. М. Страна-перекресток / сост., послесл., коммент. Т. С. Гомолицкой-Третьяковой. М., 1991.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4 (Свердловский областной комитет КПСС); Ф. 480 (Издательство «Уральский рабочий»).

Шушканов Н. Историю заводов – на новую ступень // История заводов : сб. Выпуск первый. 1932. С. 14–29.

Яранцев В. «Настоящее» – журнал несбывшихся надежд // Сибирские огни. 2008. № 3, 4 // Журнальный зал : сайт. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2008/3/ia10.html>, <http://magazines.russ.ru/sib/2008/4/ia13.html> (дата обращения: 01.09.2017).

УДК 94(470.5).084.5/.084.6:323.2

И. В. Даренская

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА СССР КАК «ОСАЖДЕННОЙ КРЕПОСТИ» В КОНТЕКСТЕ МИЛИТАРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ НА УРАЛЕ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х гг.

В статье рассматривается вопрос конструирования образа СССР как «осажденной крепости» в процессе социально-политической мобилизации. Автор показывает как концепция военной угрозы обосновывалась и трансформировалась через дискурс официальной пропаганды, использовалась для развертывания милитаризации общественного сознания и общественной жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а : военная угроза, официальная пропаганда, милитаризация, общественное сознание, общественная жизнь.

Рубеж 1920–1930-х гг. является особым периодом советской истории, в рамках которого происходила инициируемая государственными структурами генерация нового типа общественного сознания. В сложных социально-экономических условиях периода «великого перелома» для того, чтобы снизить сопротивляемость населения радикальным мерам, предпринимаемых государством для решения внутренних задач, власть четко осознавала необходимость милитаризации общественной жизни и общественного сознания на основе представлений о внешней угрозе и восприятия государства как «осажденной крепости».

Понимая под милитаризацией процесс, характеризуемый приспособлением и изменением экономики, научно-технического прогресса, общественных, политических и социальных сфер к концепту «военной угрозы», государство активно искало новые инструменты обеспечения поддержки населением внешнеполитического курса.

Традиционно выделяются две волны милитаризации: первая волна – начало 1920-х гг., что проявлялось в приспособлении моделей военного коммунизма в рамках послевоенного восстановления системы и следующая волна, которая четко проявилась после 1927 г. в связи с ухудшением отношений с рядом стран.

Одним из механизмов социального проектирования «нужного» типа поведения населения стало конструирование образа СССР как «осажденной крепости», что формировало оборонческие настроения, повышало мобильность общества, формировало враждебное отношение к западным ценностям. Как отмечают О. В. Галкова и И. А. Петрова, понимание того, что «большевикам, скорее всего, придется одним строить социализм во враждебном капиталистическом мире, пронизывало сознание людей, порождало психологию осажденного лагеря, убеждало в необходимости милитаризации как эффективной подготовке к защите Отечества» [Галкова, Петрова, с. 9].

В сложном процессе выстраивания диалога с населением власть использовала несколько социально ориентирных технологий, реализуемых под официальным лозунгом: «Мы войны не хотим, но если на нас нападут, мы к войне готовы».

Во-первых, активно использовался политический тезис о враждебности западных держав к СССР, что четко просматривалось в документах официального дискурса.

В постановлении XV съезда ВКП (б) резюмировалось, «капиталистическое развитие, в целом, обнаружило тенденцию сократить исторические сроки мировой “передышки”, приблизить новую полосу больших империалистических войн и ускорить революционную развязку мировых конфликтов», что означало для СССР, как отмечалось в материалах съезда, «нарастающую напряженность в отношениях с капиталистическими странами, политика которых становилась все более враждебной по отношению к СССР и создавала прямую угрозу империалистическому нападению извне» [Коммунистическая партия, с. 14–15].

Изменение международной ситуации являлось одним из информационных поводов для проведения собраний различного уровня, на которых транслировалась официальная трактовка действий западных государств. Руководители агитационно-пропагандистских отделов ВКП (б) были вынуждены «жонглировать» политическими аргументами. Классическим вариантом решения вопроса в стиле идеологической демагогии можно считать доклад зав. АПО Тагильского окружкома ВКП (б) П. Аксенова. Он, характеризуя международное положение, диалектически связывал два тезиса: во-первых, констатировал «неминуемость» мирного развития внешнеполитического взаимодействия ввиду противоречий между западными странами и усиления классовой борьбы в капиталистических государствах, во-вторых, резюмировал: «Однако это не должно затушевывать военной опасности. Стремясь к миру, мы должны быть готовы к войне. Мы войны не хотим. Наше правительство и компартия боролись и будут бороться за мир, но если на нас нападут, мы должны будем дать сокрушительный отпор нашим врагам» [НТГИА. Ф. 70. Оп. 1. Д. 472. Л. 13]. Данная фраза отражала суть дальнейшей оборонительно-мобилизационной стратегии власти, призванной создать общее настроение мобилизационной готовности.

В рамках концепта «военной угрозы» систематически происходило нагнетание представлений о возможности военного вторжения. Для этого требовалось посредством широко, систематически поставленной, надлежащим образом комментированной и обработанной внешней информации «в максимальной мере показать отрицательные стороны капиталистической системы, готовой к нападению» [Коммунистическая партия, с. 16]. Власть прилагала все усилия для формирования у населения представления о «враждебности» намерений западных государств. Место прежних, часто складывавшихся стихийно и лишенных идеологической окраски стереотипов занимали целенаправленно формируемые идеологемы: «Империалисты готовят новую войну», «Будем готовы

к отпору врага» и т. д. Так, в рамках проведения компании «Неделя обороны» в период с 15 по 25 ноября 1930 г. в качестве основных лозунгов предлагались следующие установки: «Неистовым укреплением обороны сделаем непобедимой страну Советов», «Военизация массовой работы профсоюзов – боевая задача дня», «Подготовим детей пролетарской страны к борьбе за социализм», «Работница, батрачка, колхозница – готовься к защите страны советов» [ГАСО. Ф. 2516. Оп. 1. Д. 10. Л. 183].

В качестве основного канала трансляции официальной интерпретации враждебности международной ситуации использовались средства массовой информации (местные и центральные газеты, радио, специализированные «библиотечки» литературы).

Одним из самых эффективных способов воздействия на аудиторию через печать были политические карикатуры, активно задействованные для освещения сложных вопросов внешней политики с помощью наиболее доступного для малограмотного населения способа восприятия информации – «народного лубка».

Происхождение термина «карикатура» от итальянского «*caricare*», что означает «нагружать», «усугублять», «преувеличивать», подчеркивает ту роль, которую этот жанр играл в формировании образа врага.

Из дискурсивного пространства при раскадровке политических карикатур «стирались» лишние детали и смысловые акценты, которые могли быть поводом для двойной трактовки внешнеполитического эпизода. Для однозначного восприятия сюжета изображение предельно упрощалось и схематизировалось. В раскадровке карикатур присутствовало только два активных действующих лица – СССР и «капиталистические страны». Действия каждой из сторон прорисовывались в необходимом идеологическом контексте для того, чтобы изначально у читателей возникло ощущение «правоты наших» и «злонамеренности чужих». Текст диалогов, размещаемый в подстрочниках, также предельно упрощался, не выходил за пределы одного смыслового оборота, кратко «разъясняя» читателю содержание политического контекста.

В этом случае, по мнению С. Г. Осьмачко, формировалась «контрастная картина мировосприятия, когда сложная цивилизационная ситуация сводилась к упрощенной, а то и просто к бинарной (“черное” – “белое”, “наши” – “чужие”, “правильно” – “неправильно” и т. п.), модели» [Осьмачко, с. 141].

Советские пропагандисты, постоянно подчеркивая антиимпериалистический характер внешней политики советского государства как реакцию на враждебность намерений капиталистических стран, умело

сочетали его с тезисом о необходимости мобилизации населения для отражения вероятной военной угрозы.

Политика СССР, сторонника концепции разоружения, презентовалась как единственно верная, стремление же Западных стран обсудить отдельные рабочие моменты переговоров преподносилось как попытка срыва работы комиссий, доказательство враждебности намерений. Приведем типичные идеологические клише, встречающиеся в большинстве статей различных периодических изданий: «В Женеве переговоры о разоружении ни к чему не привели. В то же время Англия укрепляет границы в Афганистане – строя форты и посылая танки в новые части», «Не толковать о разоружении, а разоружаться! – вот смысл выступления товарища Литвинова на заседании подготовительной комиссии к конференции по разоружению в Женеве», «Лишь Германия и Турция поддерживают советский проект по разоружению», «Великие державы хотят сорвать советский проект. Они считают его неосуществимым», «Литвинов срывает маску миролюбия с лица представителей держав», «Советское предложение обсуждалось лишь для того, чтобы его отвергнуть. Сессия закрылась, ни на шаг не продвинувшись в вопросе разоружения» [Рабочий. 1928. № 50. Л. 2–3].

Для создания образа агрессивной внешней политики Западных государств советские идеологи санкционировали перепечатку отдельных статей из зарубежной прессы, подбор и редакция которых позволяли расставлять необходимые идеологические акценты. Приведем пример использования партийной пропагандой метода «от обратного». В уральских периодических изданиях было разрешено цитировать выдержки из материалов итальянской газеты «Тевере», публиковавшей проект по разоружению под заголовком «Разоружение на службе русской революции, или умелая пропаганда». Приведем текст итальянцев: «Провал в декабре предложения Литвинова дал СССР повод развить усиленную пропаганду против лживой европейской демократии, говорящей о мире, но не делающей практических шагов к его обеспечению. СССР, используя представленный случай, ныне представляет целый проект конвенции о разоружении, менее радикальный, но такой же “упрощенный”. Конечно, женевская демократия отклонит этот проект с элегантно и иронической мотивировкой какого-нибудь Бонкура, и СССР найдет в этом оправдание для своего вооружения» [Рабочий. 1928. № 52. Л. 3].

Отражением усвоения населением идеологически отретушированного образа западной внешней политики может служить стихотворение тагильского поэта Сергея Зверева «Под вывеской»:

У Лиги Наций – вид невинный
При скверной шулерской игре.
Народам всем кричит о «мире»,
Готовясь яростно к войне.
Но карты ваши мы раскрыли,
И не поверит вам рабочий –
Хотя кричите вы о мире –
Но зубы щелкают по-волчьи.

Другое стихотворение, опубликованное в передовице газеты «Рабочий», сопровождалось заметкой, где анализировались основные тенденции внешней политики, характеризуемые как агрессивные по отношению к СССР. Такой пример соединения официальной трактовки и «народного творчества» был одним из наиболее эффективных способов формирования необходимого власти образа политических событий и мифологем, влияющих на сознание и поведение населения.

Подчеркнем, что основной поток информации в ходе кампании шел через местные печатные издания, анализ которых позволяет выделить основные «манипулятивные» механизмы, оказывавшие наиболее сильное воздействие на массовое сознание. Прежде всего обратим внимание на стилистическое оформление текстов. В качестве ключевого кода-символа, встречающегося во всех периодических изданиях, использовалось емкое выражение, легко «рисующее» желаемый агитационный образ: «Неприступной крепостью должна стать страна Советов!» К основному текстовому символическому образу в качестве подзаголовков присоединялись смысловые выражения, содержащие «слово-глагол», «подсказывающий» требуемое от гражданина конкретное действие. Например, «Неприступной крепостью должна стать страна Советов. За станком и машиной, на заводе и руднике, в поле за плугом и дома помни об обороноспособности страны» или «Неприступной крепостью должна стать страна Советов. Рабочая и крестьянская молодежь, иди, пополняй ряды красных командиров!».

Тексты, часто сопровождаемые иллюстративными изображениями, были стилизованы под военную риторику. В лозунгах, плакатных и транспарантных слоганах, преобладали слова-символы «боевой план», «боевая задача», «боевая подготовка», «борьба», «боец».

В центральных и местных средствах массовой информации активно освещались все действия властей, направленные на реализацию задачи милитаризации сознания, что приобретало традиционную для рубежа 1920–1930-х гг. форму массовых политических кампаний.

К числу наиболее часто реализуемых на Урале форм относились создание и регламентация деятельности добровольных военизированных обществ: ОСОАВИАХИМ, МОПР и др.; проведение «Недель обороны», способствовавших формированию представления о непобедимости РККА; повышение боевой подготовки всех категорий населения. В Постановлении бюро Свердловского окружного комитета ВКП (б) от 23 января 1928 г. «О проведении 10-летнего юбилея Красной армии» в качестве основных методов военизации населения назывались выходы в поле, выставки военной техники, продажа военной литературы, подписка на периодические издания, военные игры, массовые стрельбы, массовые военизированные физкультурные выступления [ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1553. Л. 25]. В публикуемых в городских многотиражных изданиях Указаниях ЦК ВКП (б) «О праздновании десятилетия Красной армии» акцент ставился на массовые формы работы с населением: смотрах боевой готовности и обороноспособности Советского Союза силами кружков ОСОАВИАХИМа, физкультурников, комсомола, женских кружков, устройстве общих собраний и вечеров обороны, организации новых стрелковых тиров, экскурсий в военные части [Рабочий. 1928. № 14. Л. 3; Рабочий. 1928. № 24. Л. 3]. В сельской местности большое внимание уделялось организации работы изб-читален, где предлагалась устраивать громкие читки газет, книг и журналов с военным содержанием, что требовало подготовки чтецов и подбора материала, в качестве которого использовались библиотечки ГИЗа «На страже», «За оборону» [Рабочий. 1928. № 20. Л. 2].

В процессе формирования представления о СССР как «осажденной крепости» акцент ставился на активное вовлечение в процесс военизации молодежи. В Постановлении ЦК ВЛКСМ «О задачах военной работы комсомола» (декабрь 1929 г.) требовалось от комсомольских организаций добиться решительного перелома в сторону повседневной работы по военизации населения, обучения боевым навыкам, овладению военными знаниями и т. д.

Лозунги были подхвачены на региональном уровне. В преддверии празднования Международного юношеского дня на комсомольских собраниях докладчики акцентировали внимание на «обострении классово-борьбы в странах капитала», «обнаженной подготовке к войне против СССР». Главным лозунгом празднуемых событий должна была стать следующая идеологема: «На решительную борьбу против войн, за защиту СССР, каждый комсомолец, молодой рабочий – солдат пролетарской революции, учись владеть винтовкой, готовься защищать завоевания пролетариата!» [ЦДООСО. Ф. 1452. Оп. 1. Д. 128. Л. 193]. На заводах из ком-

сомольцев формировались роты, принимавшие «вид военно-регулярных частей» [Рабочий. 1928. № 33. Л. 4]. Проводимые маневры прямо назывались «проверки готовности комсомола к войне». Наиболее точно атмосферу сборов, которые по воспоминаниям современников напоминали плохо отрепетированные спектакли, передают заметки рабкоров, присланные в корреспондентские отделы газет. Рабкор «Вест» без лишней эмоциональности описывал первый сбор рабочих Тагильского завода, в котором участвовало 1100 человек: «Под звуки марша выходит молодежь из клуба на морозный воздух. Среди молодых мелькают кое-где бородатые головы командиров – ветеранов еще «николаевской солдатчины» и юные лица девушек. Раздается команда. Неорганизованная масса вдруг перестраивается в длинную колонну. “Налево, марш!” – и первый отряд, колыхнувшись, с песнями отправляется вдоль по улице и, выбрав площадку, начинает учение» [Рабочий. 1928. № 33].

Большая роль в процессе подготовки молодежи к предстоящей войне уделялась не только военизированному, но и физкультурному движению. Инициатором комплекса «Готов к труду и обороне» стал тот же комсомол.

Для достижения поставленной цели власть активно использовала элементы праздничной мифологии для внедрения в массовое сознание «правильной» картины прошлого и настоящего. Являясь мифотворческим компонентом процесса конструирования новой социальной реальности, праздники способствовали трансляции формируемого партийными идеологами представления о враждебности Запада.

Доминирование военизированных форм проведения мирных праздников было обусловлено сохранением поведенческих норм и установок периода Гражданской войны, милитаризацией общественного сознания предыдущего десятилетия и рубежа 1920–1930-х гг.

На рубеже 1920–1930-х гг. на Урале особой формой организации демонстраций были так называемые «карнавалы». Инсценировки и факельные ночные шествия – неперенные атрибуты традиционного карнавала, способствовали визуализации образов и символов новой эпохи и оказывали наиболее сильное эмоционально-психологическое воздействие прежде всего на малограмотное население, восприимчивое к впечатлениям массовых зрелищ. Доминирование на праздниках красного цвета, общий кровавый фон символизировали кровь, пролитую для установления советской власти, готовность принести себя в жертву, если это понадобится. Цветовое решение шествий было регламентировано: красный являлся

цветом пролетариата, пролитой крови, солнца; желтый – цветом примиренчества; черный и белый – реакции, соглашательства, аполитичности.

В целом на рубеже 1920–1930-х гг. руководителями пропагандистских секций городских советов и комитетов ВКП (б) особое внимание отводилось проведению «военных» праздников и годовщин, организуемых в общем контексте «военной социализации» всего населения в целях милитаризации общественного сознания, повышению обороноспособности страны и психофизической подготовки всех категорий населения к возможной войне, восприятию СССР как «осажденной крепости».

Использование разнообразных агитационных, пропагандистских, мобилизационных приемов во многом было вынужденной реакцией властей на существование целого спектра моделей поведения уральцев: от активной поддержки и выражения лояльности власти до речевых и поведенческих форм проявления негативного отношения к государственной политике повышения обороноспособности страны. В отчетах контролирующих органов, информационных сводках, на страницах периодических изданий регулярно публиковались сведения о низкой явке населения на собрания, посвященные вопросам международной ситуации, о вынесении выговоров месткомам предприятий о проявлении бездеятельности по подготовке и проведению «Недель обороны», о сорванных военных сборах и иных протестных акциях. Так, в информационных сводках ячеек ВКП (б) о настроениях рабочих и служащих прямо указывалось, что «работа по внедрению в сознание неизбежности войны проведена недостаточно. У народа успокоительные настроения, что войны пока не будет и беспокоиться не о чем», что «настроение благоприятное, на угрозу войны служащие реагируют обывательски» [ПермГАНИ. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 297. Л. 35].

Поэтому в 1930-е гг. стала активнее использоваться концепция военной угрозы, транслировавшаяся через дискурс официальной пропаганды, для управления мнениями, настроениями и поведением населения, его вовлечения в деятельность военно-оборонных обществ и массовые политические кампании.

Галкова О. В., Петрова И. А. Милитаризация жизни советской молодежи в 1920–1930-х годов // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. 2015. № 4 (34). С. 8–17.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 2516 (Совет Уральского областного общества друзей обороны и авиационно-химического строительства).

Итальянская печать о проекте СССР по разоружению // Рабочий. 1928. № 52 (644). 1 марта.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. 1927–1931. М., 1970.

Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 70 (Нижнетагильский городской совет депутатов и его исполнительный комитет).

Осьмачко С. Г. Советское общественное сознание (1930-е – начало 1940-х гг.) и современность // Науч. аспект. 2015. Т. 1, № 3. Самара, 2012. С. 140–155.

Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ) Ф.1095 (Пермский горрайком ВКП (б), Пермский округ, Уральская область).

Рабочий. 1928. январь-февраль.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 6 (Свердловский окружной комитет ВКП(б)); Ф. 1452 (Свердловский окружной комитет ВЛКСМ).

УДК 94(571).084.6:316

В. И. Исаев

РЕВОЛЮЦИЯ В СФЕРЕ БЫТА: ИЗМЕНЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Рассмотрен проект коммунистического преобразования бытовой сферы общества и попытки его реализации в Сибири в условиях формирования сталинской системы социализма. Показаны основные направления изменений сферы быта, обусловленные ориентирами социально-политического курса правившей партии большевиков. Сделаны выводы о наличии прогрессивных компонентов в коммунистическом проекте сферы быта, несмотря на утопический в целом ее характер.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социалистический быт, коллективизация быта, советское государство, бытовые коммуны, культурная революция, культпоход, строительство социализма.

В общественном сознании российского общества в ходе революционного переустройства, начавшегося после 1917 г., проектировался идеальный образ того бытового уклада, к которому необходимо было стремиться и на который необходимо было ориентироваться в практике повседневной работы по перестройке быта. В докладе рассмотрены основные контуры социалистического проекта переустройства сферы быта, показаны способы мобилизации населения на проведение радикальных преобразований в сфере быта, которые разворачивались в городах